

Михаил Александрович ШОЛОХОВ.

Фото Е. Недери.
(Апрель 1980 года).

Михаил Шолохов и Тихий Дон... История, сама жизнь навечно породили имя великого писателя с древней казачьей реки.

Всю свою славную и добрую жизнь он прожил с бурно-тихим Доном, с далекой поры раннего отрочества научился понимать шелест трав, журчанье волн, крики птиц, порывы ветра... Сколько глубоких страниц раскрыл Тихий Дон своему мудрому сыну-летописцу, сколько поведал ему, а он — всей планете...

На одном из фотоснимков, сделанных в апреле 1965 года, Михаил Александрович с чувством сыновнего благоговения стоит на берегу родной реки. Он — один. Он — в раздумье, он молчит, но сколько значительно это сокровенное молчание! Может быть, именно о таком молчании художника в свое время донской поэт Ашот Гарнакрян написал великолепные строки: «невьсыказанных слов волнение сильней всего, что я сказал»...

Может быть, именно в такие минуты мучительного и вдохновенного творческого подвигничества, в минуты глубочайшего раздумья над судьбами родного края пришли к нему исполненные истинной поэзии и по-человечески немного грустные, на века рожденные, эти неповторимые, кровью сердца написанные слова:

«Степь родимая! Горный ветер, оседающий на гривах косящих маток и жеребцов. На сухом конском хвосте от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-солёный запах, жует шелювистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилужины балок, суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравившим гнездоватый следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачья, нерывающей кровью политая степь!»

Говорит Михаил Александрович Шолохов:

— Я родился на Дону, растам, учился, формировался как человек и писатель и воспитывался как член нашей великой Коммунистической партии и являюсь патриотом своей великой могущественной Родины. С гордостью говорю, что я являюсь и патриотом родного донского края.

РОМАН «Тихий Дон» потряс людские сердца. Едва выйдя на свет, первая книга эпопеи очаро-

К 75-летию со дня рождения М. А. Шолохова

ОТЕЧЕСТВА ВЕРНЫЙ СЫН

Всю жизнь он беззаветно служил Родине, народу, партии. Как-то в один из ноябрьских дней 1965 года в Вешенскую приехали московские корреспонденты шведских газет «Дагенс нюхетер» и «Свенска дагбладет» Ларс Брингерт и Ионни Флюдман. Гости атаковали писателя уйма вопросов. Некоторые из них и ответы хочется припомнить.

— Хотелось бы познакомиться с вашим распорядком дня...

— Как всякий сельский житель, спать ложусь рано и рано встаю. Пишу до обеда. А после обеда читаю, принимаю посетителей. Посетителей бывает много.

— Вы депутат парламента, член ЦК КПСС. Не мешают ли вам эти обязанности?

— Общественная и партийная деятельность никогда не мешают. Встречи с народом помогают держать руку на пульсе жизни...

Это действительно так. Рука Михаила Александровича всегда на пульсе Родины.

Едва на нашу землю обрушилась первая фашистская лавина огня, Михаил Шолохов отправил из Вешенской в Москву на имя народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко телеграмму:

«В любой момент готов встать в ряды Рабоче-Крестьянской Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину. Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов».

Просьба была удовлетворена. Михаила Александровича назначили специальным военным корреспондентом газет «Правда» и «Красная звезда». Бывший редактор «Красной звезды» генерал-майор Д. Ортенберг вспоми-

нал: «Шолохов прибыл в Москву. Он успел уже обмундироваться. На нем была летняя, защитного цвета гимнастерка, бриджи, сапоги, пояс с командирской бляхой и пистолет. Он был по-казачьи строен: не писатель, а боевой командир. Вдвойне я был рад его приезде еще и потому, что он привез с собой очерк, который мы ему заказали, — «В казачьих колхозах».

Михаил Александрович вложил в уста героя своего очерка мысли, которые так волновали самого писателя в ту суровую пору. Потому и сегодня, спустя почти сорок лет, мы с интересом прислушиваемся к голосу старого донского казака: «Пропишите через «Красную звезду» моим ребятам и всем бойцам, какие на фронте, что тыл не подкачает! Пушай они там не дают спуска этим фашистам, пушай вгоняют в гроб, чтоб наша земля стала им темной могилой!».

А вешенцы, все донские казаки и впрямь не давали спуска фашистам.

...Придет время, и будут собраны воедино оставшиеся в памяти и людских сердцах, еще не прочитанные страницы военной жизни Шолохо-

ва. О многом расскажут они...

Фашисты с тяжелыми боями продвигались к Москве, рвались к Ленинграду. Над Родиной нависла грозная опасность. Жестокое испытание выпало на долю советских воинов.

— Они выстоят, — твердо говорит Михаил Александрович. — Выстоят! Русский человек всегда отличался необычайной выносливостью, стойкостью, храбростью, великой любовью к своей Родине. Об этом говорит вся история нашего народа.

Однажды друзья, оберегая писателя, попытались задержать его в тылу.

— Вы только с фронта. Повремените...

— Нет, ребята, — голос Шолохова звучал решительно. — Я обязан быть на фронте. Помните, что Некрасов сказал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Как гражданин считаю своим святым долгом защищать Родину! Да и как художник я должен быть на фронте, все видеть своими глазами. Иначе что и как я буду писать о народе на войне?!

И он действительно видел войну не со стороны, а был там, где шел бой, — в окопах, в солдатских землянках, на наблюдательных пунктах полка и дивизии. Не один раз писатель находился под огнем противника. Те, кто видел его на полях сражений, говорят об исключительном самообладании полкового комиссара, а потом, с введением погон, полковника Шолохова, о его мужестве, бесстрашии, душевном отношении к солдатам.

Рассказывают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

гом они обступили любимого писателя. И тут один солдат смущенно попросил:

— Дорогой Михаил Александрович, подарите нашему взводу «Тихий Дон». Очень ребятам хочется, чтобы эта книга и в бою была рядом.

Михаил Александрович ответил не сразу. Видимо, слова солдата озадачили полкового комиссара.

— Дорогой мой друг, — сказал писатель, — всей душой бы рад подарить вашему взводу «Тихий Дон», да нет у меня сейчас под рукой этой книги. А солдаты вы хорошие, и хочется мне непременно оставить вам что-нибудь на добрую память.

Он помедлил, решая про себя, потом раскрыл полевую сумку, достал книгу с твердым переплетом и на титульном листе своим красивым, четким почерком что-то написал.

Шолохов передал книгу командиру взвода, обнял его, сердечно распрощался с солдатами, направился в соседний блиндаж.

Бойцы с волнением раскрыли книгу. Это был третий том «Войны и мира». Всем запомнилась пророческая шолоховская надпись, сделанная в ту тяжелую военную пору, когда немцы были под Москвой: «Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородине вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, ребята! Красному знамени над Рейхстагом. До встречи в Берлине! Ваш М. Шолохов».

разлуке с семьей. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности помочь семье. Но ведь в конце концов это личные беды, личные горе каждого из нас. Из этих тяжелых складывается всенародное, общее бедствие, которое терпят люди с приходом в их жизнь войны. Личное наше горе не может заслонить от нас мучения нашего народа, о которых ни один писатель, ни один художник не сумели еще рассказать миру.

Ведь надо помнить, что огромные пространства нашей земли, сотни тысяч жизней наших людей захвачены врагом, самым жестоким из тех, что знала история. Предания древности рассказывали нам о иро-вопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят немецкие фашисты в войне с нами. Я видел своими глазами дочиста сожженные станицы, хутора, моих земляков — героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных живых...

Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед...

Это письмо написано почти сорок лет назад, но как своевременно и сегодня звучит шолоховское обращение к американской общественности, к американскому народу: «Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед...»

В ПЯТИДЕСЯТЫЕ годы Михаил Александрович создает всемирно известный рассказ «Судьба человека».

К этому небольшому по объему произведению люди потянулись, и бы сказал, припали, как к животно-родинку.

«Судьба человека» снимала всеобщее признание. Читатели были единодушны в своей высокой оценке: рассказ о судьбе Андрея Соколова — одно из самых сильных, самых ярких произведений о Великой Отечественной войне.

ЗА КОРОТКОЕ историческое время книги Михаила Александровича стали литературным знаменем двадцатого века. Они обошли и покорили все материки, все страны земли.

Книги Шолохова сегодня — высочайшее мерило в оценке глобальных явлений мировой литературы. Произведения, снимавшие признание всего человечества, подобные солнечному свету, озаряющему гигантское поле мировой культуры, они стали той творческой вершиной, по которой определяется истинная художественная ценность и высота того или иного произведения.

Передовое человечество с благодарностью восприняло творчество Шолохова. И не об этом ли написал свои прекрасные стихи замечательный советский поэт Николай Рыленков, когда в 1964 году я как составитель сборника «Михаил Шолохов», посвященного 60-летию автора «Тихого Дона», попросил его принять участие в новом издании:

Есть вечные глубины в «Тихом Доне»,
То, что мирод наш совестью зовет.
Гремит гроза миль асен небосвод,
Мы вновь и вновь, забыв дорогам счет,
Как в первый раз, придем к нему, и вот —
Все мелкое ушло. Душа бездонней.
Святая жажда дела — жжет ладони,
Святая жажда правды — сердце жжет.

И как бы продолжая благородную мысль Николая Рыленкова, в том же сборнике поэт Сергей Васильевич Смирнов адресовал вешенскому кузденнику свои не менее прекрасные стихи:

Белит жизнь ваши волосы русые,
Да не трогает зорности глаз.
Вы по духу — сама Революция
И ее сохранивший класс.
Вы — разведка, с ее круговертиями,
Беспримерных свершений поря...
Я считаю, что меркнет бессмертие
Перед вашим размахом пера.

Михаил АНДРИАСОВ.

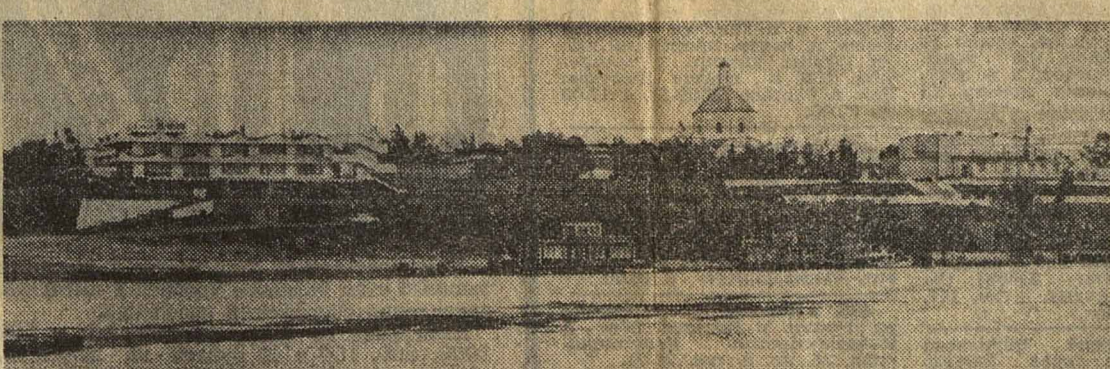
Десяти писем со всех концов страны и из-за рубежа ежедневно ложатся на рабочий стол писателя.
Фото Е. Недери.

Вспоминается письмо военного корреспондента Шолохова, написанное в 1943 году и адресованное американским друзьям:

«В качестве военного корреспондента, — говорит в нем, — я был на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах. Хочу обратиться к вам не как писателю, а просто как гражданину союзной вам страны.

В судьбу каждого из нас война вошла всей тяжестью, какую несет с собой попытка одной нации уничтожить другую. События фронта, события тотальной войны в жизни каждого из нас уже оставили свой нестерпимый след.

Я потерял свою семидесятилетнюю мать, убитую бомбой, брошенной с немецкого самолета, когда немцы бомбили станицу, не имевшую никакого стратегического значения. Мой дом, библиотека сожжены немецкими минами. Я потерял уже многих друзей и по профессии, и моих земляков — на фронте. Долгое время я был в

Край родной, станица Вешенская

Помните: «невеселая», «вся в засмын желтопесков»!..

Это — о станице Вешенской. Такой, какой была она когда-то, какой нарисована на шолоховских страницах.

Ну, конечно, давно стала она иной, эта старинная казачья станица, родина Михаила Шолохова. И все же остается и навсегда останется в ней все, что так или иначе связано с жизнью, творчеством, общественной и бытовой повседневностью писателя, книги которого знает и любит весь читающий мир.

Вот она — у изначальной Дона-реки: белокирпичные современные здания и старинный собор, зеленые купы привычных и обжигающих степным ветрам деревьев и дороги, ведущие от берега, от пристани на станичные улицы.

А в обе стороны, вверх и вниз по Дону — песчаное крутобережье с неприхотливой травой на склонах, с подступающими к самой воде рошицами, с негромким плеском речной волны. Говорят — негромкий плеск речной волны. Говорят — негромкий плеск речной волны. Говорят — негромкий плеск речной волны.

Все здесь — его, родное, шолоховское: и люди с неповторимо-характерным казачьим говором, и дома — старые и новые, и сады, по майскому теплу захлестывающие Вешу бело-розовой волной цветенья.

И всадник этот, приподнявшийся на стремени, высоко вскинувший автомат, — защитник тихого Дона и всей Советской державы, одностаничник и однополчанин полковника-фронтовика Михаила Шолохова...

Фото Р. Иванова.